

Андрей Белянин

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Дилогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«КАЗАК В РАЮ»
«ААРГХ»
«КАЗАК В АДУ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

Цикл
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья
«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

Андрей Белянин

ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ

Роман

Москва, 2011
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Отстрел невест: Фантастический роман.—М.:«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011.—350 с.: ил.

ISBN 978-5-93556-944-0

Как ни надеялся новоиспеченный лейтенант милиции, заслуженный сыскай воевода Никита Иванович Ивашов спокойно перезимовать зиму в Лукошкине — увь! Новые дела посыпались как из рога изобилия. Одновременно две кражи и — страшно подумать — «мокрое» дело! Но долго унывать нашему герою не приходится. На помощь ему спешат бесценный эксперт-криминалист Баба Яга и младший сотрудник следственного отдела Дмитрий Лобов. А уж они-то знают, что у них в Лукошкине все по-другому. И если в Европе принцы и королевичи съезжаются ко двору прекрасной принцессы, то здесь наоборот—двенадцать девиц благородного происхождения едут на саях, зимой, только для того, чтобы самодержец выбрал себе невесту! И ничего удивительного, если за руку и сердце царя Гороха невесты пойдут на преступление! Итак, следствие начинается...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-93556-944-0

© Белянин А. О., 2002
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2003

...Зима в Лукошкине. Митька, в белом тулупчике и валенках, с деревянной лопатой наперевес стоит на защите наших ворот. Стрельцы Еремеева выстроились полукругом за моей спиной, все молчат, лица напряженные, глаза горят, и только белые клубы пара оседают дрожащими капельками на русых бородах. Я медленно, с расстановкой касаюсь проверенной клюкой нечищеного кругляка из березового полена...

— Готов?

— Как есть готов, батюшка сыскной воевода! — подтвердил Митя, пошире расставляя ноги.

Я картинно размахнулся и ударил с разворота.

— Угол! Угол держи! — сорвался кто-то из стрельцов. Поздно... Берёзовая шайба, серой снежинкой свистнув в воздухе, угодила нашему младшему сотруднику прямо в лоб. Тот только чихнул, а бедный кругляш, от столкновения с ещё более твёрдой поверхностью, разлетелся на две половинки.

— Никитушка! — На пороге нашего терема оказалась Яга, плотно укутанная в серый пушистый платок. — Ну скока можно на морозе палками махать?! Не ровён час, простудишься, сердешный...

— Всё нормально, бабуль! — нетерпеливо отмахнулся я.— Уже иду, всё равно Митька четвертую шайбу поломал...

— И его в дом гони. Пушай делом каким займётся, а то нашёл себе забаву — ворота оборонить! Вона какая шишка на лбу-то растёт...

— Дык... я ж тренируюсь! — даже обиделся верный Митяй, и свободные от дежурства стрельцы поддержали его согласным киванием.— Не за себя боль и муки принимаю, а токмо победы командной ради...

— Это он вчера у дьяка Филимона подхватил,— пояснил я, вскидывая клюшку на плечо.— Эй, молодцы! Поработайте тут без меня по парам. Общая тренировка — после обеда, и чтоб Еремеев был!

— Слушаемся, Никита Иванович!

Я пошёл в терем. Теперь могу отдышаться и, если хотите, рассказать обо всём поподробнее. Пока Яга суетится с самоваром, у нас есть минут пять, но не больше... Бабка у меня в этом смысле строгая — пока не накормит, никаких разговоров. Начну сначала... Я — Никита Иванович Ивашов, 19.. года рождения, бывший москвич, бывший младший лейтенант милиции. Бывший потому, что уже почти год живу в непонятно каком сказочно-параллельном мире времён царя Гороха. А ещё раз «бывший» потому, что за последнее дело, о летучем корабле, государь представил меня к повышению, и я, с его царственной воли, добавил себе на погоны ещё одну звёздочку. Не буду врать, что у меня всё так сразу распрекрасно получалось... Если бы не практи-

ческая хватка Бабы Яги, в чей терем меня и выбросило при перемещении, я бы точно сошёл с ума. Не знаю, как другие (не слишком любил фантастические романы), но лично меня, например, пришлось отпаивать от шока травяными настоями, а потом ещё и работой грузить по самую маковку, чтоб о доме не скучал. Какой работой? Нашей, милицейской, естественно. Многоэтажки возводить я не обучен, электроутюг смастерить тоже не сумею, но хорошая московская школа криминалистики заинтересовала Гороха. Тот и открыл специальным указом у нас в Лукошкине первое милицейское отделение. А я его начальник, гражданин участковый, или, по-местному, «батюшка сыскной воевода». Разместились мы всё в том же тереме Яги, он просторный, а бабке свой век одной доживать скучно. Вот она-то у нас и есть наилучший эксперт-криминалист по всем чародейным вопросам. А тот здоровяк, что на воротах стоял, это Дмитрий Лобов. Он при отделении... ну на все руки! И вышибала, и филёр, и связной, и дворник, и охранник, а уж в смысле ареста государевых преступников — один всего столичного ОМОНа стоит. Делу сыска предан безоглядно! И быть бы ему со временем генералом, если бы не один маленький недостаток — когда мозги раздавали, Митя в очереди последним стоял... Учим мы его, учим, как об стену горох! Я его даже увольнять пару раз пытался, рука не поднялась... Всё-таки наш человек, милицейский.

После трёх особенно громких расследований государь наконец дозрел — и сотня стрелецкая под командованием Фомы Еремеева теперь «сыскальной» именуется. У всех ребят шевроны на рукавах появились, почти как у меня, с трёхцветным флагом. Конюшню расширили, теперь при отделении уже целых шесть лошадей, а значит, есть маленький конный отряд быстрого реагирования. Жалованье платится вовремя, плюс пайковые, да и тулупчики белые новенькие мне на всё отделение из казны под расписку выдали. Сволочной бабкин петух, который в тёплое время года будил меня в четыре утра, заперт в курятнике. Отбывает зимний срок, орать орёт, но уже не так слышно.

В целом, надо признать, пока жаловаться грех. Тем паче что преступность с холодами резко падает, и в основном почти половину декабря мы предавались вынужденному безделью. Что и подвигнуло меня на «новые подвиги». Как говорится, не было печали... Я придумал... хоккей! Стрельцы приняли идею на ура, и за какую-то пару недель мы посадили на это дело весь город.

— Никитушка, откуда ты тока взял забаву эту басурманскую? — беззлобно ворчала бабка, пока я наворачивал щи со сметками. С ответом можно было подождать: во-первых, Яге он не очень и требовался, а во-вторых, щи очень уж вкусные... — Вчёрась слышала, будто бы кузнецы супротив кожевенников играли, да не выиграли. На два раза больше им по воротам насовали. Но уж апосля, за площадью, молотобойцы своё и возвернули! Да

клюками твоими мудрёными так кожевенную улицу отходили, что стрельцов пришлось звать!

— Ере...меев ток...ла...тыфал! — старательно чавкая, подтвердил я.

— Да ты, молодец, ешь, не отвлекайся. Вона и каша ещё дожидается...

— Н...не могу. Спасибо, бабуль, но не могу. По расписанию через полчаса тренировка, как же я с набитым пузом Митьку гонять буду?

— Пожалел бы мальчонку...— укоризненно покачала головой Яга, но спорить не стала, взялась за самовар.— Нешто можно ему вечно на воротах стоять? Измёрзнет весь, да и, того гляди, шайбой твоей опять по лбу огребёт.

— Пробовал я его на поле выпускать... Это всё равно что ядром пушечным в магазин богемского стекла запустить — от него стрельцы во все стороны как кегли посыпались! Троицким потом примочки класть пришлось... Нет, пусть голкипером работает, и он никого не убьёт, и ворот за его спиной почти не видно.

— Всё одно не разберу,— видимо, бабке тоже было нечем заняться, обычно она по два раза не переспрашивает,— чего ж за-ради десятков здоровых мужиков по льду гольному топотнёй бегают да клюками гнутыми по чурбачонку безвинному бьют? Добро бы друг дружку по горбу гвоздили, тогда хоть ясно, чья взяла... Где ж тут удаль молодецкая, где ж лихость да силушку народу показать?

— Бабуля! — медленно и строго напомнил я.— Вы прекращайте мне в команде подрывные разго-

воры вести. Думаете, я не знаю, кто Митьке подсказал, что в воротах не шайбу ловить надо, а нападающих противника лопатой отгонять?!

— Да не я это, Никитушка! — чересчур праведно замахала руками Яга.

Другой бы поверил, но я ведь её не первый день знаю...

— Не вы, значит... а у шорника Егорова теперь двух зубов нет! Это как?

— А неча ему, невеже, в наши ворота с клюкой переть! — запальчиво вскинулась бабка, но под моим осуждающим взглядом осеклась. Молча сунула мне чашку с чаем и, пододвинув мёд, села в уголочке, обиженно теребя уголок головного платка. В дверь постучали.

— Войдите.

— Здоровы будьте, хозяйева! — Из сеней, отряхивая с шапки снег, в горницу вошёл сотник Еремеев. Человек дельный и проверенный, всего по жизни добивавшийся сам, за что и был уважаем всем отделением.

— Садись к столу, Фома Силыч.

— Благодарствуем, а только некогда. Собирайся, Никита Иванович, царь тебя ко двору требует.

— Боже мой, неужели хоть там что-то произошло? — едва ли не подпрыгнув, поднялся я. Бабка тоже с надеждой вытянула шею.

— Нет, тихо всё...— добродушно хмыкнул сотник.— Поговорить ему с тобой надобно. Ты ведь о смотринах царских наслышан, чай? Да и посо-

льство запорожское не сегодня-завтра ко двору по-жалует...

— Ну а я-то при чём? Я ему не брачный кон-сультант и не дипломатический корпус...

Ехать сразу расхотелось. Однако хитрый Фома заговорщицки подмигнул и весомо добавил:

— А также хочет государь с тобой об одном де-льце покалякать. Вроде бы кубок у него с червон-цами лишний... Понял ли?

— Бабуль! — взмолился я, сразу всё поняв.— Проведите тренировку за меня, а? Мне к царю по делу, срочно!

— Охти ж мне с тобой, Никитушка...— нарочито медленно поднялась старая ворчунья.— И спина-то болит, и колено припухло, и глазоньки уже не те, а мороз-то всё леденит без разбору! Ну да беги уж... Управлюсь как-нибудь с твоими архаровцами...

— Спасибо! — Я мигом накинул тулуп, сунул ноги в валенки и на ходу чмокнул бабку в щёку.

— Никитушка!

— А? — уже в сенях обернулся я.

— Ты уж там... не очень-то спеши. Как следует подмогни государю! Дай и мне на старости молодых парней по двору погонять. Э-эх, где мои семнадцать лет?!

* * *

Последняя фраза — не из Высоцкого, так в Лу-кошкине каждая вторая пенсионерка приговарива-ет. Мы с Фомой ехали в санях, полозья скрипели

по снегу, возница прикрикивал на кобылу, и, чтобы говорить, приходилось слегка повышать голос.

— Ключки всем достал?

— С двойным запасом плотники настругали. Да ещё шайб берёзовых немерено. А сколь команд в финал выйдут?

— Максимум три! Мы пока фавориты, следом по очкам — «Святые отцы», а уж за ними боярская дума.

— Вот уж не ждали, не чаяли... Да как же их, толстопузых, на такое дело развезло?

— У них в команде сейчас ни одного думца и нет, набрали легионеров из кузнецкого ряда, двое из царских стрельцов и вроде рыбак один. У него, кстати, удар хороший...

— А можно так ли? Замест своей рожи другую подставлять?!

— В принципе правилами не возбраняется...

Вот так, без лишнего шума и ажиотажа, проходил первый в Лукошкине хоккейный чемпионат на кубок царя Гороха! Государю моя затея понравилась, он и сам после первого просмотра требовал себе клюшку, но бояре не позволили. Должен признать, что на этот раз они были абсолютно правы — в царский терем съезжались невесты! Да-да, наш Горох наконец-то решил жениться. Довели мужика, говорят, всем государством три года упрасивали... Оно и правильно, царю нельзя слишком долго жить гражданскими браками. То есть если иногда и понемногу, но не с каждой и не... А может, он из-за

своего последнего романа так решил. Это отдельная история и печальная... Я, кстати, тоже женюсь. Нет, не сейчас, когда-нибудь, но обязательно. У меня даже девушка на примете есть, Олёна! Просто её нет здесь сейчас... В общем, я-то погожу пока, но потом как-нибудь мы к этой теме вернёмся, обещаю...

До царского терема докатили быстро. Зима, дороги обледенели, если лошадь хорошо подкована, сани просто стрелой летят. А у Гороховых ворот творилось натуральное дорожно-транспортное происшествие в международных масштабах... Невесты прибывали косяком! И все с эскортом, парадным поездом, с прислугой, охраной, полевой кухней и прочими причиндалами. Чью-то карету на полозьях развернуло боком, проход перегородило намертво, кони храпят, возницы щёлкают кнутами, бардак полнейший! Народ лукошкинский хохочет, разумеется. Видишь ли, их хлебом не корми — дай послушать, как царские невесты на иностранных языках друг дружку ругают нецензурными выражениями. Наш приезд вызвал здоровое волнение, видимо, горожане дружно решили, что я сюда явился исключительно арестовывать.

— Вяжи скверनावок, народ, пока Никита Иванович не осерчал! Будут знать, как при детях малых «состенуто кон в модэрато!» говорить! Ох, грехи наши тяжкие... Ну, ей «зи ферфлюхтер хунд!» и ответили!

— Ой, нешто так и сказали?!

— Да, а та рыжая ей вслед ещё «шалавус грециус смоковнис!» добавила!

— А, ну тогда ясное дело — под арест... Подсобить ли, батюшка сыскной воевода?

— Чего спрашиваешь?! Энтих мымыр заморских вона сколько, а Никита Иваныч один, носом простуженный, чё ж ему переутруждаться-то... Навались, народ!

...Я только фуражку по самые уши натянул. Ну их! Пусть Еремеев сам тут разбирается, меня у Гороха ждут. Летом этих деятелей и кочергой не раскочегаришь, а зимой, на морозе, только повод дай потолкаться... Пока сотник зычным голосом навёл порядок, я кое-как, бочком протиснулся под польским обозом и, перепрыгнув через длинные полозья финских санок, успешно выбрался во двор.

Царские стрельцы, спешащие растаскивать «пробку», на ходу махали мне шапками. Ребята почти все знакомые, я тоже козырлял, не сбавляя шага. Им играть на днях с Гостиным двором, там три купеческих каравана выставили объединённую команду. Гости проиграют почти наверняка, у них там всё на чистом энтузиазме, а стрельцы — команда сыгранная, дисциплинированная. К тому же гвардия самого государя... Когда они нам в первый раз проиграли, Горох в запале отправил хоккеистов на конюшню и в батога. Еле успел отбить бедолаг, пояснил царю, что в противном случае чемпионата не будет — с ним играть откажутся. Государь подумал, кивнул, заменил батога на отеческий под-

затыльник каждому и махом назначил себя их же главным тренером!

Я уже поднимался на второй этаж по лестнице, когда меня перехватил думский дьяк Филимон. Он выглядел измотанным и побитым, почему и вёл себя достаточно вежливо.

— Здрав буди, сыскной воевода. А не одолжишь ли от щедрот своих времени толику, ибо вопрос жизненно важный имею.

— Здравствуйте, гражданин Груздев. Времени нет, царь ждёт, так что выкладывайте быстро.

— Заявление в милицию твою имею,— быстро заявил дьяк.

— Фискальный донос?

— А хоть бы и фискальный, ты нос-то не вороти! Чай, мои доносики в прошлый раз за тебя всю работу сделали... Али забыл про девку чернявую, бесстыдную? — завёлся было Филимон Митрофанович, но вовремя осёкся.— Прощение нижайшее имею через городское отделение на отца Кондрата надавить примерно. Не могу я более в команде ихней быть, не могу-у!

— Вы мне в ухо не кричите, пожалуйста. И за портупею меня хватать не надо,— чуть отодвинулся я.— Ничего не понимаю, вы ведь лучший левый защитник, на вас весь синод молится!

И это истинная правда... Хоккеист из него, как из скрипача — тореро. Но! Как только дьяк, в длинной рясе, телогрейке, косо сидящем треухе, с клюшкой в руках появляется на левом фланге — все команды попросту забывают про игру... Они с рёвом

ловят гражданина Груздева, а тот ловко улепётывает от них под свист и улюлюканье всей толпы! Ей-богу, «Святые отцы» нам в этот промежуток две шайбы закатали, пока я хоть как-то сумел организовать ребят...

— Моченьки моей более нет, участковый...— Жалобно сморщив лицо, Филимон Митрофанович изо всех сил пытался выжать большую горячую слезу.— Каждый вечер рёбрышки болят, ноги сами уж и не ходют, на голове одни шишки, ить лёд-то не перина, а уж бьют меня... Ведь, по совести говоря, совершенно бесчестно бьют-то! Почём зря ведь! И больно так, главное...

— Ну... в игре всякое бывает,— вынужденно прокашлялся я.— Но судья следит, и на последнем матче два плотника получили по две минуты. Шмулинсон старается...

— Ах, Шмулинсон! — раненым изюбром взревел аж подпрыгнувший дьяк.— Да судья твой купленный с потрохами три раза и проданный, и снова перекупленный! Меня с ног бьют, а он не видит! Меня по льду на спине катят, а он отворачивается! Меня в ворота с шайбой в зубах затолкали, а он гол засчитывает! Иудей он и есть! И как тока еврею обрезанному православный хоккей судить дозволили?!

— Абрам Моисеевич — единственное незаинтересованное лицо,— попытался объяснить я, поспешно ретируясь задом к царским дверям.— Из-

раильская команда в чемпионате не участвует, а судит он относительно честно...

— Относительно?! Да меня, грешного, от такого отношения каждый раз домой на руках относят, в безопасность относительную... Аспид иерихонский!

Спасительные руки царских стрельцов подхватили меня сзади под мышки и мигом утанули в кабинет государя. Горох с мрачным лицом маршировал из угла в угол. Это не факт плохого настроения, скорее признак крайней озабоченности и неуверенности в себе.

— Вызывали?

— Приглашал,— важно поправил Горох, но тут же споткнулся о складку на ковре, едва не растянувшись на полу.— Тьфу, зараза! Ну сил моих нет... Ей-богу, сейчас кого-нибудь обезглавлю!

— Да ладно вам...— Я похлопал царя по спине, помог поправить корону на голове и едва ли не силком усадил на широкую узорчатую скамью.— Это вы из-за невест?

— А чтоб им всем! — кивнул государь.— Угрозило сболтнуть не вовремя, так бояре верные уже к вечеру гонцов во все страны отправили. Теперь едут вон... Из Франции, из Германии, из Швеции, из Италии, из Африки...

— Что?

— Вот те крест, Никита Иванович, припёрлась-таки эта Тамтамба Мумумба! — в сердцах притопнул Горох.— А наших, русских, тех вообще не считано... Едва ли не от каждого города по красе-девице по-

слано. Рождество на носу, а у них смотрины... Ведь весь праздник мне испоганят!

— Ну, это, так сказать, проблема дипломатическая. Милицию-то зачем вызывали?

— Ох и зануда ты, сыскной воевода... Да, может, мне тут поговорить по душам не с кем? Может, мне тут... Выпить хочешь?

— Не могу, на службе,— твёрдо отказался я.

— Ну и шут с тобой, а я в одиночку тоже не буду. Хотя и надо бы с устатку безмерного...— тяжело вздохнул государь.— Так, может, вечером заглянешь, а?

— Вечерком — пожалуйста, но напиваться не буду. Сегодня до заката кузнецы с ткачами на площади играют, придёте?

— Куда мне... Посольство запорожское вот-вот прибыть должно, договора пограничные обновлять надо. Бояре мне из терема и носу высунуть не дадут...

— Понимаю. А вот насчёт..

— Да не забыл я.— Горох мотнул головой в сторону небольшого настенного шкафчика.— Вон дверку-то открой да кубок чемпионский с собой забирай. В конце недели сам вручишь, мне уж недосуг будет...

Я подошёл к шкафчику и распахнул его...

— Нравится? — не оборачиваясь, продолжал царь.— Червонное золото, с чеканкой да эмальями, венецианской работы будет. А червончики я к нему самолично подбирал, новенькие, полновесные,

один к одному! Ну чего молчишь-то, участковый?! Али от радости и речи благодарственные растерял?

...На полке было пусто. Горох встал, заглянул мне через плечо и ахнул...

* * *

— Стража-а-а-а! Все сюда! Перекрыть ходы-выходы! Хватать каждого подозрительного! Обыскивать всех подряд! Если через десять минут украденный кубок с червонцами не будет найден, я тут всем...

— Ты чего орёшь, участковый? — душевно подёргал меня за рукав царь.

Я обернулся, тяжело дыша от бурных страстей и кипящих эмоций.

— Как это... чего ору?! Но ведь кубок... его же нет!

— Всё спокойно, молодцы.— Горох улыбочиво отмахнулся от ворвавшихся в кабинет стрельцов. Парни недоверчиво огляделись, извинились и вышли вон.— Ну-ка сядь, Никита Иванович...

— Погодите, но ведь...

— Сядь, я тебе говорю! И не паникёрствуй тут! А то ишь нашёл время глотку драть... Люди же кругом! Одних иностранцев полон двор, а ты шумишь не по делу...

— Так у вас же кубок украли?! — несколько овладев собой, шёпотом просветил я. Теперь уже государь почти силой усадил меня на скамью и, как

ребёнку малому, всучил печатный пряник, достав его из того же шкафчика.

— Да я разве с тобой спорю? Вот вчера только сам, своими руками его сюда ставил... Может, девки горничные куда передвинули? А может, и холопы стараньями усердными подальше от глаз завидующих припрятали, а мне доложить забыли? Да и сам я мог куда ни есть сунуть, голова-то кругом идёт... Так выпьем, что ли?

Я отрицательно покачал головой. Царь философски хмыкнул и предложил:

— Ну, будь по-твоему, украли его! Ты у нас пока не при деле гуляешь, вот и бери себе заботу на заговор — ищи вора. Но только чтоб тихо всё! Меня перед иностранными державами не позорь. Не след на весь мир трубить, что царя русского в его же тереме без спросу ограблениям подвергают, уразумел?

Пару минут я просто молчал, красный как рак. Давненько меня так не стыдили... Царь был абсолютно прав. Везде, во всём, до мелочей, а я... Нет, меня по большому счёту тоже можно понять — чемпионат же! Мне через неделю торжественно вручать победителям первых городских соревнований традиционный кубок, а он тю-тю! Свистнули, украли, стащили, спёрли, увели, приделали ноги, замотали, прикарманили, присвоили, угнали, оприходовали, стибрили, национализировали, скоммуниздили, прихватизировали... короче, нет его! И самое главное, что милицейская интуиция во весь голос во-

пила — это именно кража! Так получается, что, по сути, ограблен не только царь, но и... я?!

В дверь постучали, кто-то из бояр спешил доложить о прибытии ко двору запорожских послов.

— Всё, пора мне, Никита Иванович,— хлопнул себя руками по коленям царь Горох,— следствие веди по собственному усмотрению, мне доклад каждый вечер представлять будешь. И чтоб ни одна живая душа на моём подворье о кубке похищенном знать не знала! Не ровён час, бояре опять альтернативное расследование затеют...

— Договорились.— Я встал, козырнул и направился к дверям.— Вы только... извините меня за глупую вспышку. Ребячество какое-то, сам от себя не ожидал...

— Прощаю,— важно кивнул государь.— Ну, трудись. Бог тебе в помощь, участковый.

Во двор я вылетел пулей. Успешно проталкиваясь сквозь разношёрстную толпу, меж чых-то послов, кучеров, охранников, я так торопился, что даже едва не сбил высокорослую австрийскую принцессу. Влетел лбом прямо в её впечатляющее декольте и наверняка бы упал, если б не был подхвачен старым знакомцем Кнудом Гамсуновичем. Посол немецкого государя Фридриха заботливо придержал меня под локоток:

— Рад вас видеть, господин участковый! Надеюсь, дела лукошкинской милиции в полном порядке?

— Да, спасибо.

— Тогда позвольте представить вас фройляйн Лидии Адольфине Карпоффгаузен,— церемонно поклонился немец.— Битте, фройляйн, это есть начальник здешней полиции, герр Ивашов!

Австриячка вытянулась во фронт, по-гусарски щёлкнув каблуками, и сунула мне руку под нос с такой отработанной грацией, что я едва избежал повторного удара.

— А... очень приятно.— Мне удалось изобразить на лице дружбу двух сверхдержав и аккуратно пожать требующие поцелуя пальчики.

— Ви... есть... скрёмний рюсский... рейхсканцлер, я? — скосив глаза в карманный словарь, уточнила царская невеста.

— Я? — не понял я (простите за тавтологию).

— Я, я...— хихикнул Кнут Гамсунович.— Герр Ивашов — лицо, приближённое к государю, и его влияние при царском дворе ни у кого не вызывает сомнений.

Практикующаяся в языке гостя на этот раз долго сверялась с книжкой и, наконец проникнувшись, повернулась ко мне:

— Будьём... дружить!

Это было сказано со значимостью двухстороннего вердикта.

— Ауф видерзейн, фройляйн. По-моему, вас ожидает Алекс Борр. Спешите, не стоит обострять отношения.

— Яволь! — Австриячка по-военному развернулась на каблуках и споро отбыла. Я кое-как выдохнул...

— Позвольте проводить вас, господин участковый?

— Буду рад компании, господин посол.

Шпицрутенберг, несмотря на вполне оправданную фамилию, был очень неплохим немцем и дипломатом со стажем. В памятном деле о Чёрной Мессе он проявил себя с лучшей стороны. Ну, может быть, чрезмерно педантичным и ничего не принимающим на веру типом, но умеющим признавать ошибки и активно добиваться их исправления. У нас сложились вполне товарищеские отношения, в особенности после того как сборная Немецкой слободы дважды едва не вырвалась в финал.

— Если бы наш вратарь не сломал себе ногу... Поверьте, Никита Иванович, «Святые отцы» ни за что бы не обошли нас на третьем круге!

— Да, приличную замену вашему повару на льду сразу не сыщешь... Как он?

— Лекарь сказал — не меньше двух недель постельного режима,— печально хлопнул красным от мороза носом сухопарый немец.— А ваши стрельцы по-прежнему фавориты?

— Мм... шансы у ребят значительные...

— Я слышал, царь намеревался учредить свой кубок в награду.

— Откуда слышали? — как можно безразличней уточнил я.

— Кажется, кто-то из боярской думы громко рассуждал на тему непозволительных трат из государственной казны. А что, это важно для следствия?

— Нет. Ни капли... Совершенно не важно! Для какого ещё следствия? — невпопад заметался я.

Опытный работник дипломатической миссии ровно пожал плечами и вежливо переключился на другое:

— Неужели вон те крикливо одетые люди и есть знаменитые запорожцы? В просвещённой Европе такую моду сочли бы вульгарной...

— Казаки...— неопределённо протянул я.— По мнению историографов, их костюм складывался из вещей, добытых в набегах. Штаны — от турок, пиджаки — от венгров, шапки с цветным верхом — от поляков.

— Дикий народ... Но, говорят, необузданность нрава сочетается у них с истовой религиозностью, а ярость в бою — со щедростью души?

Я молча кивнул. Лично мне запорожская кавалькада очень даже нравилась. Их было человек тридцать, все на хороших лошадях, при полном параде, длинноусые, с кривыми саблями и картинно изогнутыми трубками. Впереди ехал совсем молодецкий парень с бунчуком, а за ним дородный горбоносый казачина, одетый богаче всех. Его пшеничные усы спускались ниже подбородка, папаха с лиловым хвостом подпрыгивала на бритой макушке, а голубые глаза искрились чисто детским интересом. На секунду его цепкий взгляд задержался на моей фуражке, он что-то бросил на украинском, и вся делегация залилась рокочущим гоготом.

— Майн готт, неужели этот варвар позволяет себе насмешки над милицией?! — удивлённо вскинул брови Кнут Гамсунович. Я сплюнул под ноги и отправился в отделение, у меня были срочные дела...

* * *

— Ахти ж нам, Никитушка, да что ж ты такое говоришь-то! — причитала Яга, бегая по горнице из угла в угол. Мы с чёрным котом Василием сидели на скамейке, поджав ноги, попадаться под горячую руку никому не улыбалось. — Это ж какое беззаконие бесстыжее наяву деется?! Это ж не Гороха, не тебя, сокола участкового, это ж лиходеи весь город одним махом осиротили! Ох, не видать вредителям хоккейным суда правого, царского... Ить я ж за такое дело сама рукавчики позасучиваю да с клюкой наперевес пойду... И не стой на пути у бабушки-и!

Сунувшийся было в двери Митька, правильно оценив ситуацию, мгновенно дал задний ход, оставив после себя лишь облачко морозного пару.

— От ужо поверь мне, старой, это всё конкуренты твои устроили... Финалисты, чтоб им! Загодя кубок чемпионатский с червонцами царскими к себе оприходили, чтоб команда наша милицейская и при победе с носом осталася! А ну-кось напомни мне, Никитушка, кто у нас в этом деле персона самая заинтересованная?

— «Святые отцы», — тихо, по-подлому, предал я.

— Отец Кондрат, стало быть...— мстительно сощурилась бабка.— Пиши ему повестку, Никитушка! Сей же час пиши, а я сама и отнесу... И попрошу вежливо... и сопроводю, ежели что...

— Сопровожу,— машинально поправил я.

— Повестку пиши, Никитка, кому говорят?!

Мы переглянулись с котом. Василий неуверенно перекрестился правой передней лапой и, зажмурив глаза, дунул через всю горницу, по лестнице вверх, старательно сбив по пути ухват, пару горшков, табурет и плетёную корзину с вязаньем. Яга ахнула, обомлела и... осела на скамью, держась за сердце. Я приободрился — гроза прошла стороной, можно продолжать нормальную работу отделения. Как лицу начальственному мне разрешалось думать вслух.

— Итак, что мы, в сущности, имеем? В позитиве— практически ничего, а вот в негативе сразу два взаимоисключающих фактора — кражу и невозможность её официального расследования. Царский терем битком набит невестами, послами и шпионами (в принципе все три понятия взаимозаменяемы), следовательно, проводить розыск в привычной для милиции методе мы не имеем возможности. Бояре сожрут нас с сапогами, если мы только сунемся со своими расспросами в эту предпраздничную бучу. Даже сам Горох предпочёл бы даровать чемпионату новый кубок, а не подвергать огласке кражу прежнего. По сути, его требования вполне логичны, ибо иностранцы прибывают уже третий день и исключать их из числа подозреваемых

просто глупо. Однако на кону опять-таки пресловутая честь милицейского мундира! Вопрос в том, как перепрыгнуть через голову и отыскать похищенный кубок за... кажется, неполные шесть дней, так? Ну, плюс-минус ещё два, если удастся потянуть с чемпионатом... Причём не поднимая ни малейшего шума ни в царском тереме, ни среди горожан. Дело на первый взгляд неброское... А вот теперь мне бы хотелось услышать точку зрения нашего эксперта-криминалиста. Вам слово, бабуля!

— Чёй-то... не в себе я, Никитушка...— осторожно протянула Яга. Бабке явно было стыдно за содеянное, хотя пострадать толком никто не успел.— Ты бы валерьяночки мне в чаёк накапал, а?

— Может, покрепче чего?

— Не, я при исполнении,— вскинула нос моя домохозяйка.

Где стоит глиняная баночка с валерианой, мне было известно, только вчера едва оттащил от неё упирающегося и пьяного в дюндель Василя. Кот давно прикладывался тайком, и хорошо, что я её всё-таки перепрятал. Плеснув валерианы в душистый липовый чай, Яга сделала два долгих глотка и, полуприкрыв глаза, откинулась спиной к тёплой печке.

— Извинений от меня не жди, участковый... Сама понимаю — не в себе была, а только правота моя в этом деле налицо! Шум да гам поднимать не будем, возьмёмся за расследование с тщанием превеликим... Версию же мою насчёт конкурентов

со всех сторон посмотреть бы стоило пообстоятельнее!

— Хм... рациональное зерно здесь есть,— не стал спорить я,— однако для полного освещения картины не хотели бы вы прогуляться к месту преступления?

— А и съезжу-ка я, старая...— почти сразу же согласилась бабка.— До матча не обернусь, поди... Ну дак вроде игра нонче не особо интересная будет?

— Команды ниже среднего. (Это правда: кузнецы с ткачами отличаются скорее силой рук, а вот на льду стоят с чисто коровьей грацией.) Вы там посмотрите у Гороха, без лишних свидетелей, как, где, почему... Не думаю, что в краже замешана магия, но проверить всё-таки не мешает... Митька-а!

— Слушаюсь, воевода-батюшка! — тут же донеслось из сеней.

Я подождал, он, видимо, тоже...

— Митя,— чуть строже, с нажимом повторил я.

— Дак тут я весь! — охотно подтвердил наш младший сотрудник.— Как есть готов к исполнению на благо родного отделения и святого Отечества!

Я недоумённо взглянул на Бабу Ягу. Старуха засмушалась и сама открыла двери:

— Митенька, да ты не бойся, касатик, не трону я тебя... Вот ведь дура неразумная, вконец запугала мальчонку! Ну, иди, иди сюда, не заставляй участкового в третий раз голос повышать.

Паренёк вошёл по частям, то есть сначала появилась голова, торопливо оглядев окрестности и подмигнув мне в знак радости видеть живым. Потом

плечи и руки, ноги вошли последними. Собрав себя в одно молодцеватое целое, Дмитрий Лобов залихватски козырнул и выкатил грудь, ожидая начальственных указаний.

— К пустой голове руку не прикладывают,— дежурно напомнил я.— Отвезёшь бабулю к царю, она должна проверить... В общем, проконсультировать государя по некоторым личным вопросам. Дождёшься её во дворе и тем же порядком доставишь обратно. Да, в сани сена побольше положи и ковёр какой-нибудь...

— Уразумел. Не извольте беспокоиться, доставим как по маслицу, с ветерком!

— Митя, с каким ветерком? Зима на улице. Мороз в двадцать градусов!

— Виноват! — тут же покаялся он, подумал и уточнил: — А пока Бабушка Яга беседы с разговорами вести будет, мне-то чем там заняться?

— Да ничем...— пожал плечами я.— Походи туда-сюда, погрейся, невест царских посмотри, себя покажи. Ты же не на службе, а так... мелкое порученьице.

Боже, если бы я тогда знал, КАК он его выполнит!.. Пока Яга собиралась, укутываясь так, что хоть на полюс без собачьей упряжки, доблестный Митя организовал стрельцов на запряжение кобылы в сани. Я всё планировал установить на дугу мигалку или хоть сирену на худой конец, но всё руки не доходили... Зато местные умельцы вывели на оглоблях большими буквами «МИЛИЦИЯ», щедро оформив текст жгучей хохломской росписью.

Горело так, что за десять шагов глазам больно! Бабуля помахала на прощание, Митяй подобрал вожжи, свистнул, гикнул, и кобылка пошла бодрой рысцой.

Я вернулся в терем, налил себе чаю. Двое молодых отправились на поиски Еремеева, а пока его нет, можно было не торопясь рассмотреть сложившуюся ситуацию. В принципе это дело разворачивалось не особенно ярко, поначалу я даже думал, что всё само утрясётся, но... Короче, Фома заявился примерно через полчаса, а основные проблемы начались почти сразу же после его прихода. По крайней мере в то же время, но не у нас, а в царском тереме...

* * *

— Фома, сядь! Сядь, Христа ради! Фома, ты же не ребёнок, не вынуждай меня на крайние меры...

— Да кто посмел, мать их с первачом да калачом, всей ярмаркой да под трёхрядку! Какая ж стервозина облепиховая, чтоб ей качалом по сусалам, с размаху да без промаху! Я ить всю сотню под ружьё подниму, не помилую, у меня тут всякой поверх хлеба так вразнос напотчуеться, что к вечеру пять кубков с червонцами доставлены будут! Эй, ребяташки...

Я затыкал его силой. Другого выхода не было, история неумолимо двигалась по спирали, а если бы я ещё и Митьке рассказал... Помнится, Груздев

с Псуровым весь город в подозреваемые записывали, так наш бугай и всё Лукошкино «заарестовать» не постесняется. Еремеев успокоился минут через десять, к возвращению Яги мы уже обсудили все основные моменты и договорились относительно планов совместных действий.

— Предупреди только самых опытных и небогатливых. Если в городе узнают о краже чемпионского кубка — на следствии можно ставить крест! Даже наша бабуля потребовала тут же взяться за финалистов. Так у нас здесь все команды передерутся на фиг... Благо клюшек у людей настругано — будь здоров! Так что имей в виду: всё расследование проводить в рамках жесточайшей секретности.

Фома понимающе покивал, что-то прикинул, глядя в потолок, и, пожав мне руку, отправился по делам службы. Я вышел было его проводить, и тут... Ей-богу, мы оба просто остолбенели на пороге — прямо через распахнутые стрельцами ворота с уханьем и скрипом влетели расписные милицейские сани, из которых к крылечку практически вывалилась пьяная в дрезину Яга! Такого я не видал никогда! Судя по отвисшей бороде Еремеева — он тоже... Мрачная, по причине полнейшей трезвости, морда Митьки только усиливала контраст. В ответ на мой изумлённый взгляд он хлопнул шапкой об колено и с горькой обидой объяснил:

— Царь-государь потчевать изволили! Шампанью франкскую на двоих распили. Самодержец сказал, кисло-де, а бабуля наша вдруг да и распобовала!

— А тебе почему не наливали? — с убийственной глупостью ляпнул я.

— Дык ить и я о том же! — едва не заревел наш умник.— Не уважают при дворе царском оперативных работников младшего звена... Я на морозе почитай не меньше часа вживую мёрз, девицам заморским да люду приезжому задарма советы добрые раздавал — и что?! Принесли двое бояр эксперта нашего, прямиком в руки швырнули, а сами бежать! Вот хоть бы рюмочку водки с таких трудов великих, так нет... И не пьянства же ради, а токмо для профилактики простудно-лёгочных заболеваний!

— М...мителька,— опомнился я, подхватывая наконец бабку,— ты мне тут зубы не заговаривай. Ставь кобылу на место и марш в дом греться. А мы с Фомой... Да помощи же!

Еремеев захлопнул рот и вовремя подхватил бабку слева. Вдвоём мы подняли на треть уже лежащую в сугробе Ягу.

— Ми...ни...ки...ки...туш...— любовно проблеяла она, старательно пытаюсь одарить меня материнским поцелуем.— Дык... уж не тряси... м-ня, старую... Ить тока... чу-чу-чутошку и... и п...пригубила, но! В интересах следствия... Т-с-с-с!!!

— О нет! — сжал я зубы: повторялась Митькина версия, но в авторском исполнении нашей заслуженной домохозяйки. Мы занесли старушку в дом, сняли с неё валенки и шубейку, в остальном просто сгрузив её на большой топчан в бабкиной комнате. Фома накрыл сопящую труженицу тяжёлым лоскутным одеялом, а я осторожно прикрыл дверь.

Судя по стойкому аромату настоящих французских вин, Яга будет спать долго... Еремеев тихохонько выперся из горницы, оставляя меня один на один со всеми проблемами. Что же, интересно, такого сверхважного сумела выяснить наша бабуля из того, чего не смог заметить я?.. Может быть, опять замешана магия? В их мире такие волшебные штучки — самое обычное дело. Привыкнуть к этому невозможно, мириться с этим трудно, бороться бессмысленно, но как-то сосуществовать необходимо. Мельком глянув на часы, я отметил, что до начала хоккейного матча остаётся не более десяти минут. В принципе моё присутствие на площади уже не требовалось: народ давно вызубрил правила, а из Шмулинсона действительно вышел толковый судья. Вроде бы можно и не ходить, но хотелось развеяться...

— Митька!

— Туточки, Никита Иванович! — мгновенно отозвались из сеней. — Где, какую службу опасную справить требуется?

— Никакой службы, — отрезал я, когда парень высунул голову в ожидании начальственных указаний. — Наоборот, за то, что справился с заданием, решено отметить тебя внеочередным поощрением. Хочешь со мной на хоккей?

Ответить он не успел. Только расплылся в счастливой детской улыбке от уха до уха, едва не пуская слюну, как со двора истерично донеслось:

— Казаки! Ка-за-ки-и-и!

Я непонимающе изогнул правую бровь.

— Ворота запирай! Заряжай пищали! Где Еремеев?! Навались, молодцы! Участкового, участкового зови!

В сени ворвался бледный стрелец с саблей наголо, безуспешно пытающийся совладать с языком:

— А... уж ты... ты... та-а-м...

— Кто это, Митя?

— Федька Заикин! На прошлой неделе из царского гарнизона в наше подразделение переведён.

— Та...ам ка...ка...за... ка...заки!

— И что, он всегда так?

— Не-а, тока ежели волнуется страшно. Ну, спросонья ещё или темноты боится, а так... ничего.

— Ка...ка...заки, гов...гов...ворю же, т...т...там!

— И это «ничего»?!

— Ну разве когда ещё сказать чего хочет...— явно заступаясь за бедолагу, успокоил Митяй. Я махнул на них рукой и пошёл разбираться. По двору перепуганными курами бегали храбрые еремеевские стрельцы. Дымились фитили у пищалей, матово сверкали клинки и бердыши, кто-то торопливо крестился, и большинство, кажется, уже было настроено на героическую кончину. При виде меня молодцы воспрянули, но на улицу не пустили:

— Охолопись, сыскной воевода, нельзя туда!

— Почему?

— Казаки там...— с благоговейным ужасом выдохнули стрельцы.— Уж ты не ходи, отец родной, мы за отделение все костыми поляжем, а не пропустим!

— Минуточку, я что-то...